

К 150-летию со дня рождения Н. А. Некрасова

ОТЕЧЕСТВА ДОСТОЙНЫЙ СЫН

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан!

В декабре этого года исполняется 150 лет со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова. Друг и сподвижник Чернышевского и Добролюбова, поэт-гражданин, поэт-трибун, Некрасов открыл своим творчеством и возглавил новый этап русской поэзии, связанной с революционно-демократическим движением 60—70-х годов. Он не только величайший лирический поэт своего времени, но и выдающийся сатирик, журналист, беллетрист, критик. Его поэзия неустанно и мужественно служила «великим целям века». В этом ее бессмертие, этим она близка и дорога нашему времени.

Н. А. НЕКРАСОВ и А. А. ФЕТ

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует,
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

Они со мной ночуют
В моем селе глухом.
Они меня врачуют
Классическим стихом.

Звучат, гоня химеры
Пустого баловства,
Прозрачные размеры,
Обычные слова...

Это строки нашего современника,

поэта Владимира Соколова,
благодарно вспомнившего
своих учителей. Несколькими де-
сятилетиями раньше Демьян Бедный
совершение иначе взглянул на
Некрасова и Фета:

Прошло полвека. Власть
Советов.

«Лучина» в тыщу киловатт.
Не чтут ни Майкова, ни Фета,
Зато Некрасов — нарасхват.

А для многих современников Фета
— шестидесятников, его поэзия была
оскорблением, пощечиной тем, кто по
призыву «музы мести и печали»
Некрасова шел «в стан погибающих за
великое дело любви». «Разрушитель

эстетики» Писарев предрекал такую участь собранию его стихотворений 1863 г.: «Со временем... продадут его пудами для оклеивания комнат под обои и для завертывания сальных свечей, мешчерского сыра и копченой рыбы. Фет унижится таким образом до того, что в первый раз станет приносить своими произведениями некоторую долю практической пользы». В таком же тоне потешался над Фетом товарищ Писарева по журналу «Русское слово» В. А. Зайцев: «Такое занятие, как выдумывать такие стихи, ничем не отличается от перебирания пальцами, которому с наслаждением предаются многие купчихи». Д. Минаев, В. Курочкин и др. сотрудники «Искры» и «Свистка» не устают пародировать Фета, особенно после того, как он в 1862 году опубликовал свои очерки «Из деревни» и «Записки о вольнонаемном труде», возбуждавшие негодование всей прогрессивной печати. Такое отношение современников к творчеству Фета можно понять: они считали, что культ красоты, который так настойчиво исповедовал Фет, глубоко враждебен насущным задачам революционной борьбы, оскорбителен для человека, озабоченного судьбой многострадального отечества. Н. К. Михайловский писал о том, что если бы древний раб понял однажды, «какое оскорбление, какая несправедливость к нему кроется в каждом изгибе тела прекрасной статуи, эту статую постигла бы участь Вандомской колонны».

Нужна была великая вера в созидательную мощь поэзии, любовь к ней, глубокое понимание сущности, масштабов, целей и средств поэтического воспроизведения жизни, чтобы в такой накаленной обстановке разглядеть поэзию в другом «стане». Именно Некрасову принадлежит честь второго открытия Тютчева. Некрасов сумел с большой серьезностью и объективностью оценить и лирику Фета: «Смело можем сказать, что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе, после Пушкина, не почерпнет

столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет. Из этого не следует, чтобы мы равняли г. Фета с Пушкиным; но мы положительно утверждаем, что г. Фет в доступной ему области поэзии такой же господин, как Пушкин в своей, более обширной и многосторонней области». Следует отметить также высокую оценку поэтического мастерства Фета Чернышевским. В рецензии 1856 г. он упоминает о «высоком понятии о таланте г. Фета, которое имеют все люди с изящным вкусом. Произведение, делающее честь г. Фету, должно быть прекрасно».

Теперь уже ясно, насколько преходящими оказались оценки тех, кто начисто отрицал поэзию Фета, и как обеднела бы русская поэзия, если бы оказался выключенным из нее один из самых выдающихся лириков XIX века.

Некрасов — воплощение поэтического гения русского народа. Без юбилейного преувеличения можно сказать, что именно в нем аккумулировались главные, ведущие тенденции и силы русской поэзии второй половины века, когда было уже нельзя повторять Пушкина, именно он сказал новое слово о народе и для народа. В этом прежде всего величие Некрасова. Применительно к нему «народный поэт» — не просто уважительный эпитет, это определение существа его поэзии, о которой сам он сказал:

Я лиру посвятил народу своему,
Быть может, я умру, неведомый
ему,

Но я ему служил — и сердцем я
спокоен...

О народе писали многие и до Некрасова. Передовой русской поэзии всегда был свойствен высокий пафос гуманизма, искреннее сочувствие закрепощенному и обездоленному крестьянству, гневный протест против его угнетателей. Но только в поэзии Некрасова крепостной крестьянин, бедняк-разночинец, представитель городских низов получает право голоса,

превращается из объекта изображения в полноправного героя. Широким и величественным многоголосьем, вобравшим в себя все богатство русской речи, сокровища народного фольклора, разнообразие глубоко национальных характеров и типов отозвалась некрасовская поэзия в сердцах лучших людей прошлого века — борцов за народное счастье. Этим она дорога и нам, этим она отзовется в сердце каждого русского и в будущем.

Некрасов создал школу. М. Михайлов, В. Курочкин, И. Никитин, Д. Минаев и другие поэты-некрасовцы, следуя заветам учителя, сумели сохранить поэтическую индивидуальность и внести свой вклад в развитие русской литературы. Следы некрасовского влияния исследователи находят в художественных явлениях эпохи, далеких от его творчества — например, в лирике Тютчева и Полонского. Это — свидетельство широты и многогранности гения Некрасова, наиболее полно выразившего сущность нового этапа в истории русской поэзии.

Но поэзия, как правда, многогранна, многоструйна. От имени эпохи не может говорить один человек, даже если этот человек — Некрасов. «Рядом с Некрасовым,— писал Б. М. Эйхенбаум,— стоит Фет, свидетельствуя своим творчеством, что Некрасов сам по себе эпохи не образует, что кроме некрасовского метода есть и другой, которому, правда, не суждено стать главным, первенствующим в пределах своей эпохи».

О Фете можно также говорить, как о главе поэтической школы, если иметь в виду таких поэтов, как Майков, Полонский, А. К. Толстой, Л. Мей, Н. Ф. Щербина. Творчество их основывалось на иных, иногда противоположных некрасовских, идейных и эстетических позициях. То, что в необъятной поэзии Пушкина могло существовать в неразрывном единстве, разошлось, расколослось и стало враждебным в новых условиях середины века. Ни к одному

поэту этой эпохи, не исключая Некрасова, нельзя без натяжек применить слова А. Григорьева, сказанные о Пушкине: «Пушкин — наше все». Нарушив целостную гармонию пушкинской поэзии, из нее выделились, по крайней мере, два направления, которые можно условно обозначить именами Некрасова и Фета. Каждое из них развивалось, совершенствовалось, углублялось.

Неверно, конечно, представлять одно из этих направлений со знаком плюс, другое — только со знаком минус, как это было принято до недавнего времени. В рамках каждого из них оказались возможными большие художественные достижения. Свидетельство этому — прежде всего творчество Некрасова и Фета.

Можно утверждать, что если бы Фет после отмены крепостного права не выступил с ретроградными статьями, прямолинейно, вызывающе демонстрируя свою монархическую позицию в острейшей идеологической борьбе 60-х годов, его лирика не подверглась бы столь беспрецедентному в истории русской поэзии остракизму. Нападки и пародирования начались после выхода этих статей. Критики издевались даже над тем, что Фет в пожилом возрасте писал стихи о любви. Такое отношение современников вызывало недоумение самого Фета. В предисловии к третьему выпуску «Вечерних огней» (1887 г.) он писал: «Слова ненависти, в течение стольких лет раздававшиеся вокруг наших стихов... были бы понятны, если бы среди единоголосного тенденциозного хора они, подобно стихам Тютчева и гр. Алексея Толстого, звучали порицанием господствующего направления; но ничего подобного в них не было...»

Эстетическая критика конца XIX века, превознося лирику Фета, как образец «искусства для искусства», усиленно выхолащивала из нее всякое содержание, истолковывало ее как выражение «мимолетных впечатлений», однообразных интимных переживаний, поверхностного гедонизма. Символисты

смотрели на Фета как на своего непосредственного предтечу.

Вульгарно-социологическая критика 30-х годов видела в нем только певца дворянской усадьбы и помещичьего быта, утверждая, как об этом писалось в 12-м номере журнала «Литературная учеба за 1936 год, что поэзия Фета представляла собой «реакционное использование пушкинского наследства».

Между тем при всей неравноценности лирического наследия Фета главное все же в нем — не «мимолетные впечатления» и невнятный лепет, а лирическая мощь, непревзойденная поэтическая зоркость, способная превращать в чистое золото поэзии и жизнь природы, и жизнь человеческого сердца. В лучших стихах Фета «природное» и «человеческое» слиты в их безграничном и вечном содержании, раскрывающемся как самая сущность бытия: Не жизни жаль с томительным дыханьем. Что жизнь и смерть? А жаль того огня, Что просиял над целым мирозданьем, И в ночь идет, и плачет, уходя. Лев Толстой об этом стихотворении сказал, что «коли оно когда-нибудь разобьется и засыплется развалинами и найдут только отломанный кусочек... то и этот кусочек поставят в музей и по нем будут учиться».

Лирика Фета не оторвана от жизни, она приближена к ней максимально, вплоть до органического, трепетного слияния с ней. Жизнь, воссозданная в лирике Фета, — это природа и человек, человек и космос. Некрасов же устремлен к жизни в более широком понимании, к жизни социальной. Это давало повод к противопоставлению. Нет ни одной большой работы о Некрасове, в которой бы Фет не привлекался в качестве его антипода, как, впрочем, и наоборот. Эстеты противопоставляли Некрасову Фета как мастера формы, радикальные критики также склонны были высоко ценить лишь содержание некрасовской поэ-

зии, в формальном мастерстве отдавая пальму первенства Фету. Даже В. Г. Короленко, писатель с тонко развитым эстетическим чувством, не избежал ошибки — настолько устойчивыми были подобные представления. Он писал: «Мы говорим: стихотворения Фета художественнее стихотворений Некрасова... Но оценка литературных произведений не может ограничиваться одной этой стороной: сюда входит оценка содержания и возможен следующий отзыв: такое-то произведение при глубокой и важной идее не выдержано в художественном отношении. Другое — милая безделка, чрезвычайно выдержанного характера». Некоторые советские исследователи даже утверждали, что Некрасов нарочно писал «плохо», это якобы нужно было для воссоздания того дисгармоничного, раздираемого противоречиями мира, который вошел в его поэзию.

Но нет формы вне содержания, как и содержания вне формы. Этой азбучной истиной часто пренебрегают, рассуждая о пресловутом расхождении формы и содержания. И не было, пожалуй, более ходового и популярного примера этого расхождения, чем поэзия Некрасова и Фета. К двум глубоко различным поэтическим стихиям подходили с одинаковыми формальными критериями, и в результате создавалось превратное представление и о Некрасове, и о Фете. В оценке мастерства Некрасова нельзя было уже ориентироваться на поэтический стереотип, выработанный под могучим влиянием Пушкина. Высшая гармоничность и законченность, свойственная пушкинской поэзии, в новых условиях 60-х годов XIX века, могла сохраниться в узкой сфере тем, разрабатываемых Фетом, но неизбежно превращалась в дисгармонию и раздвоенность в гражданской поэзии Некрасова — и в содержании ее, и в форме, ибо не гармонией, а острейшей социальной борьбой, горькими страданиями народа была пропитана вся атмосфера эпохи, так полно отразившейся в неувыдаемой, глубоко гражданствен-

ной поэзии Некрасова. Это свидетельствовало о неповторимости и самобытности поэтических голосов Некрасова и Фета.

Они были очень разными. Более того, они были поэтами с диаметрально противоположными убеждениями: Некрасов — демократ, Фет — монархист. Революционным демократизмом пропитана вся поэзия Некрасова. Монархические взгляды Фета выразились в основном в публицистике.

При жизни поэта фетовская лирика звучала диссонансом произведениям Некрасова. Но прошло столетие (какое столетие!), и поэзия Фета, с ее культом природы, красоты, тончайших человеческих переживаний, во многом дополняя великую музу Некрасова, вместе с нею служит нашему обществу, нашим задачам.

Это же грандиозное столетие показало, насколько животворными оказались традиции истинно национальной, глубоко гражданской поэзии Некрасова для нашей советской литературы. Великий пример некрасовского служения народу своему будет всегда вдохновлять поэтов и писателей разных эпох и поколений, связавших свою поэтическую и человеческую судьбу с судьбой народной.

АЛЕКСАНДР ЛАГУНОВ.